

ОТЗЫВ официального оппонента
на диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук
Шараповой Светланы Владимировны
на тему: «Население лесостепного Зауралья и Западной Сибири в V в. до
н.э. – III в. н.э. (по материалам погребальных памятников)»
по специальности 5.6.3. Археология

Одним из трендов современной археологии является смещение исследовательских акцентов на изучение вопросов взаимодействия человека и среды в контексте археологического памятника и с привлечением данных широкого спектра смежных дисциплин. В этом отношении показательно возрастающее количество работ, представленных на соискание ученых степеней по специальности «археология», но сфокусированных не на материальных остатках деятельности людей, а на скелетных останках человека. Причем не только и не столько на биологических характеристиках, получаемых в результате изучения палеоантропологического материала, сколько на других аспектах, позволяющих реконструировать особенности взаимодействий в системе «человек – среда обитания». Все это нашло отражение в новом паспорте научной специальности 5.6.3. Археология, в частности, в появлении в нем направления исследований «Биоархеология».

Диссертационная работа С.В. Шараповой представляет собой редкий пример исследования профессионального археолога, в котором скелетные останки человека являются равноценным археологическому, если не основным, источником информации. В этом заключается большая научная смелость автора. Из этого же обстоятельства проистекают основные достоинства и недостатки обсуждаемого научного труда, выполненного в духе археоантропологического/биоархеологического подхода на стыке археологии и биологической антропологии, с привлечением данных палеопатологии, палеогенетики и результатов изотопных исследований.

Сама рукопись состоит из двух томов. Первый том – основной текст работы, включающий Введение, 4 главы, подразделенные на параграфы, Заключение, Список источников и литературы и Список сокращений. Его общий объем – 432 страницы. Текст включает 9 таблиц. Библиографический список – 45 архивных источников и 665 наименований литературы (586 на русском и 79 – на иностранных языках). Второй том объемом 126 страниц включает 124 иллюстрации.

Актуальность избранной темы во вводной части диссертационной работы С.В. Шараповой объясняется «комплексным междисциплинарным подходом к анализу археологических памятников» и использованием контекстуального биоархеологического подхода к новым и старым саргатским материалам (с. 9–10). Важно отметить, что впервые в археологической работе по саргатской проблематике применяется широкий спектр палеоантропологических данных, а не только результаты половозрастных определений. В целом, можно констатировать, что рассматриваемая диссертация является попыткой синтезировать биологический и культурный контекст погребального источника с учетом его средовой (природной и социальной) обусловленности.

Степень обоснованности положений, выносимых на защиту, научных выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации. Выдвигаемые положения и сформулированные по результатам исследования заключения (Выводы как самостоятельный структурный компонент работы отсутствуют) достаточно полно обоснованы. Всего на защиту вынесено семь положений. С учетом специальности, по которой представлена обсуждаемая диссертация, особенно значимыми представляются первое и пятое. Их обоснование в работе позволило прийти к двум важным заключениям: 1) аргументированному ограничению верхней границы существования саргатской археологической культуры серединой – второй половиной III в. н.э. и 2) аргументированному опровержению гипотезы о наличии в саргатской среде института «женщин-воительниц». В то же время шестое

защищаемое положение представляет собой не столько постулат, выносимый на защиту, сколько констатацию частного результата исследования. Его следовало бы объединить с седьмым защищаемым положением о социальной легитимации погребального обряда (с. 20) или вообще исключить, как не нуждающееся в защите.

Достоверность положений диссертационной работы, помимо комплексного подхода к анализу археологического источника, обеспечена компетентным привлечением широкого спектра данных смежных дисциплин (палеоантропологии, палеопатологии, палеогенетики, археологического почвоведения), полученных квалифицированными специалистами в соответствующих областях. Подобный подход позволил диссертанту с опорой на «интерпретационное направление западной постпроцессуальной археологии» (с. 15) всесторонне охарактеризовать объект и предмет исследования – население лесостепной зоны Зауралья и Западной Сибири в эпоху раннего железа в отражении материалов погребальных памятников региона. Особо необходимо подчеркнуть внушительную источниковую базу исследования. В общей сложности рассматриваются материалы 41 погребального памятника и 674 погребальных комплексов VII/VI вв. до н.э. – II/III в. н.э., изученных раскопками 1967–2021 гг. Анализируемый палеоантропологический материал представлен останками 694 индивидов, для 585 из которых проведено установление пола и возраста (с. 78). Важно, что материалы из 11 могильников получены соискателем или при его непосредственном участии (с. 65). С учетом контекстуальной методологии исследования не менее важно, что раскопками пяти памятников С.В. Шарапова руководила лично.

Научная новизна диссертационного исследования обусловлена тем, что саргатские древности впервые рассматриваются междисциплинарно и с последовательных постпроцессуальных позиций в масштабах всей общности (хронологически и территориально). При этом сложно согласиться с соискателем в том, что «биоархеологические аспекты исследования»

саргатского населения «относятся к категории новаций» (с. 16). Анализу комплекса этих вопросов с позиций биологической антропологии посвящена кандидатская диссертация и монография Д.И. Ражева (2002, 2009). Новацией в работе С.В. Шараповой является широкое привлечение палеогенетических и новых изотопных данных, а также рассмотрение биоантропологических сведений «в контекстном археологическом ракурсе» (с. 16).

По итогу в диссертации предпринят всесторонний анализ социальных и биоархеологических аспектов существования носителей саргатских традиций с привлечением археологических, антропологических и палеогенетических данных в масштабах всей общности. В целом, нет никаких сомнений, что рассматриваемая рукопись по глубине осмысления поднимаемых проблем и развиваемому целостному концептуальному взгляду на саргатскую проблематику соответствуют уровню докторских диссертаций по специальности 5.6.3. Археология. Речь идет о следующих направлениях исследований (согласно паспорту специальности): ранний железный век, археологическое источниковедение, археологическая периодизация и хронология истории, взаимодействие природы и культуры в историческом прошлом, реконструкция социальных, экономических, политических систем прошлого по археологическим источникам, реконструкция этнических и культурных процессов по археологическим данным, биоархеология.

Автореферат соответствует содержанию диссертации и полно отражает структуру работы. Вызывает уважение список публикаций соискателя, в которых изложены основные положения диссертационного исследования (общий объем почти 251 п.л. при авторском вкладе 89,1 п.л.).

Поскольку любое исследование несвободно от недостатков, по диссертации С.В. Шараповой имеется довольно много **замечаний**. Значительная часть из них, впрочем, представляет собой неизбежное следствие нечеткой постпроцессуальной методологии (Earle, Preucel, 1987). Речь идет, прежде всего, о некоторой противоречивости и подчеркнутой субъективности интерпретаций. Не ясно, как это сочетается с «принципом

системности и объективности», заложенным в методологию работы (с. 14), если постпроцессуалисты ставят под сомнение объективность наших представлений о прошлом вообще (Trigger, 2004, p. 407–408)? Нечеткость методологии проявляется, например, в том, что вопреки декларируемому рассмотрению материалов «по принципу от общего к частному и от частного к особенному» (с. 11), исследование изобилует не дедуктивными, а трансдуктивными умозаключениями (по аналогиям). Последнее проявляется в анализе и материального комплекса, и антропологического материала. Остальные замечания носят скорее частный характер и могут рассматриваться в основном в качестве пожеланий и рекомендаций соискателю.

1. На с. 209 среди прочего утверждается, что «...половозрастной состав древнего кладбища позволяет оценивать размер изучаемой географической и/или хронологической группы». Хотя в палеодемографии и разработаны способы как прямой, так и косвенной оценки условного реального объема популяции (Acsádi, Nemeskéri, 1970, p. 65–66; Ubelaker, 1974, p. 65–66), очевидно, что «половозрастной состав» дает нам информацию, прежде всего, о структуре (соотношении разных половозрастных категорий) исследуемой группы, а не о ее размере.

2. Автором допускается распространенная ошибка в оперировании категорией «уровень смертности», как, например, это сделано в пассаже на с. 222 применительно к раннесарматским группам Нижнего Поволжья: «...установленный уровень детской смертности достаточно высок – 33,8%». Демографические коэффициенты смертности подразумевают в общем виде отношение числа умерших в течение некоторого периода к средней численности населения, или умерших в определенном возрастном интервале к средней численности данной возрастной группы. Как производить сравнения показателей умершего и живого населения оперируя исключительно палеоантропологическим материалом – не вполне понятно. Очевидно, что в данном случае следовало бы вести речь о представленности

детских захоронений относительно погребений других половозрастных групп.

3. По § 1 «Морфологические типы и материалы погребений: поиск соответствия» Главы 4 «Биоархеология лесостепного социума» (с. 230–261) вызывает огромное сожаление то обстоятельство, что «поиск» ведется без использования статистики. Здесь, впрочем, следует оговориться, что последнее потребовало бы изменения всего дизайна и концепции исследования. При этом в примечании на с. 281, со ссылкой на работу Д. Бонетта (Bonett, 2016), дается следующее пояснение: «Для получения результатов с вероятностью 95% и доверительным интервалом 5% репрезентативная выборка должна составлять 400 единиц наблюдений». Во-первых, очевидно, что речь должна идти о 95%-м доверительном интервале – диапазоне, внутри которого (с вероятностью 95%) будут лежать истинные значения изучаемого показателя по всей совокупности. Последнему соответствует уровень значимости α – вероятность, с которой значение параметра не попадает в заданный доверительный интервал (в данном случае 0,05). Во-вторых, определение минимального объема выборки производится исходя из задач конкретного исследования на стадии его планирования с поправками на известную или же неизвестную численность генеральной совокупности и в зависимости от характера анализируемых признаков (качественные или количественные). Для этого может использоваться ряд специальных формул (Койчубеков и др., 2014). Например, при численности рассматриваемых в работе комплексов (индивидов) в диапазоне 600–700 единиц, условно принятых за генеральную совокупность, при 95%-м доверительном интервале и допустимой выборочной ошибке в 5%, оптимальный объем выборки будет колебаться в интервале 234–248 единиц наблюдений, а не сводиться к абстрактной величине в 400 единиц.

4. На с. 280 С.В. Шарапова, со ссылкой на публикацию Т.К. Ходжайова (2006), ведет речь о распространении традиции искусственной деформации головы и использует термин «лобно-теменная деформация» (вероятно,

имеется в виду кольцевая деформация). Между тем, в цитируемой и других публикациях данного автора (Ходжайов, 2000, 2006) выделяются всего три типа искусственной деформации головы у древнего населения Средней Азии: кольцевая, лобно-затылочная и теменная. «Лобно-теменная» деформация Т.К. Ходжайовым не рассматривается.

5. В контексте излагаемого на с. 256–257 не ясно как определялся пол индивидов, отнесенных к категории «подростков» в случае отсутствия соответствующих палеогенетических данных? В примечаниях к таблице 2 (с. 70–71) следовало бы пояснить, что имеется в виду под «вторичным захоронением». Название таблицы 7 «Характеристика локальных серий травм черепа» (с. 292) сформулировано неудачно. Его следовало бы скорректировать (например, «Характеристика локальных серий травмированных черепов» или «Характеристика локальных серий, из которых происходят черепа с травмами»).

6. В работе содержится сравнительно много опечаток, описок и неудачно сформулированных выражений, которые подчас затрудняют восприятие мыслей автора. Некоторые примеры: «...необходимо отметить вклад А.Н. Багашева в краниологию древних популяций региона» (с. 73) (очевидно, что в «изучение краниологии»); «...несмотря на сохранность, парциальность не подтверждается» (с. 209); «Их структура соответствовала активности представителей “активного” морфотипа» (с. 272); «...вещего комплекса погребений» (подстрочная ссылка на с. 61) и др. На с. 390 дважды неверно указаны инициалы В.М. Массона (в тексте – «Массон В.Е.»). Список может быть продолжен...

Вместе с тем, указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В.Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.6.3. Археология (по историческим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о

присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова, а также оформлена согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Таким образом, соискатель **Шарапова Светлана Владимировна** заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.3. Археология.

Официальный оппонент:

доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник Центра антропоэкологии ФГБУН «Ордена Дружбы народов Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Макла

КУФТЕРИН Владимир Владимирович 07.08.2024

Контактные данные: тел.: +7(495) 954-86..., e-mail: kufterin@iea.ras.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация: 03.03.02 – «антропология» по биологическим наукам.

Адрес места работы:

119334, Российская Федерация, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32а

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Ордена Дружбы народов Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН» (ИЭА РАН), Центр антропоэкологии

Тел.: +7 (495) 938-00-19; e-mail: info@iea.ras.ru.

Подпись ведущего научного сотрудника Центра антропоэкологии
Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Ордена Дружбы народов Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН» (ИЭА РАН)

В.В. Куфтерина удостоверяю: